JOURNAL OF ARTS AND HUMANITIES
ISSN(Online): 2984-6676
Volume-9, Issue-04, Published |20-11-2026|

**УДК: 821. 161. 1. 09**

# РУССКАЯ БАЛЛАДА 1880–1890-Х ГОДОВ: ЖАНРОВЫЙ КРИЗИС И ПОИСКИ НОВОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ
# THE RUSSIAN BALLAD OF THE 1880s–1890s: GENRE CRISIS AND THE SEARCH FOR NEW EXPRESSIVENESS

**Сайфуллоева Умида Аъзамовна**
**Магистрант Азиатского международного университета**

**Аннотация**

В статье исследуется эволюция жанра русской баллады в 1880–1890-е годы — в переломную эпоху перехода от классического реализма к модернистской эстетике Серебряного века.

Рассматриваются социально-исторические и литературные предпосылки глубокого жанрового кризиса, вызванного исчерпанием романтических канонов, утратой мифологической основы и доминированием психологической прозы. Особое внимание уделено внутренним трансформациям балладной поэтики: лиризации повествования, психологизации фантастического элемента, переосмыслению категории рока и обновлению стихотворного метра. На примере творчества поэтов конца XIX века (К. М. Фофанова, С. Я. Надсона, А. А. Голенищева-Кутузова, Вл. С. Соловьева и ранних символистов) прослеживаются пути преодоления жанровой инерции и формирования новой художественной выразительности.

**Ключевые слова:** русская баллада, 1880–1890-е годы, жанровый кризис, трансформация жанра, лиризация, психологизм, фантастическое, поэтика рубежа веков.

**Abstract**

The article examines the evolution of the Russian ballad genre in the 1880s–1890s, a transitional era from classical realism to the modernist aesthetics of the Silver Age. It explores the socio-historical and literary prerequisites of a profound genre crisis caused by the exhaustion of Romantic canons, the loss of a mythological foundation, and the dominance of psychological prose. Particular attention is paid to internal transformations in ballad poetics: the lyricization of narrative, the psychologization of the fantastic element, the reinterpretation of the category of fate, and the renewal of poetic meter. Drawing on the works of late 19th-century poets (K. M. Fofanov, S. Ya. Nadson, A. A. Golenishchev-Kutuzov, Vl. S. Solovyov, and early Symbolists), the study traces pathways for overcoming genre inertia and establishing new artistic expressiveness.

**Keywords:** Russian ballad, 1880s–1890s, genre crisis, genre transformation, lyricization, psychologism, the fantastic, turn-of-the-century poetics.

## Введение

Последние два десятилетия XIX века в истории русской литературы традиционно воспринимаются как эпоха «безвременья», художественного перепутья и мучительного пересмотра устоявшихся эстетических систем. На фоне исчерпания энергии великого русского реалистического романа и постепенного вызревания модернистских течений поэзия 1880–1890-х годов оказалась в ситуации острого жанрового самоопределения. Одним из наиболее показательных индикаторов этих глубинных сдвигов стала судьба баллады — жанра, обладающего устойчивой памятью, строгой сюжетной организацией и богатейшей традицией в русской словесности.

Пережив свой блестящий расцвет в эпоху романтизма благодаря творческим усилиям В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, а позднее получив новое историософское и сатирическое звучание в наследии А. К. Толстого и Н. А. Некрасова, к началу 1880-х годов баллада столкнулась с очевидным кризисом идентичности. Традиционные балладные топосы — таинственные замки, роковые проклятия, встречи с

инфернальными силами, фольклорные демонические образы — в сознании читателя конца столетия начали восприниматься как архаичные штампы и литературная бутафория. Позитивистское мировоззрение эпохи, научный скептицизм и воспитание читательской аудитории на тончайшем социально-психологическом анализе Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого требовали принципиально иной художественной мотивировки чудесного и трагического.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью комплексного осмысления переходных явлений в русской лиро-эпике конца XIX века. В литературоведении баллада 1880–1890-х годов нередко оставалась в тени как блестящей романтической классики, так и экспериментальной баллады Серебряного века (В. Я. Брюсова, А. А. Блока, Н. С. Гумилева). Между тем именно в недрах «переходного» двадцатилетия происходила скрытая, но интенсивная работа по демонтажу старых жанровых схем и выработке новой поэтической выразительности, без которой был бы невозможен последующий взлет русской поэзии XX столетия.

Историко-литературные предпосылки и природа жанрового кризиса

Понятие «жанрового кризиса» в исторической поэтике не означает полного исчезновения жанра из литературного процесса; напротив, оно фиксирует момент, когда каноническая структура перестает адекватно отражать новую картину мира и вступает в конфликт с актуальным художественным сознанием (Веселовский, 1989). В 1880–1890-е годы баллада оказалась под двойным давлением: с одной стороны, ее теснила аналитическая проза, присвоившая себе право на исследование острых драматических конфликтов современности, а с другой — субъективная лирика «чистого искусства» и гражданской скорби, тяготевшая к бессюжетному медитативному высказыванию.

Анализ поэтической периодики и сборников 1880-х годов позволяет выделить три магистральных проявления кризиса классической балладной формы:

Девальвация балладной фабулы: острый, напряженный сюжет, основанный на внезапном вторжении иррационального начала в обыденную жизнь, утратил эффект эстетического потрясения. Попытки эпигонов романтизма воспроизводить сюжеты о призраках, мертвых женихах или рыцарских поединках оборачивались мелодраматизмом и вторичностью.

Разрушение эпической объективности повествования: классическая баллада предполагала позицию отстраненного рассказчика, фиксирующего роковое событие как объективную данность (Тамарченко, 2004). В поэзии 1880-х годов авторское «я» становится гипертрофированно чувствительным, неспособным сохранять эпическое хладнокровие перед лицом трагедии.

Утрата цельного мифологического основания: баллада исторически опирается на народное предание или устойчивый культурный миф. В эпоху урбанизации и кризиса традиционного уклада поэты утратили органическую связь с фольклорной стихией, что привело к искусственной стилизации или замене мифа отвлеченной философской аллегорией.

Критика того времени чутко уловила угасание интереса к традиционным лиро-эпическим формам. В литературных обзорах 1880-х годов неоднократно отмечалось, что современная муза утратила вкус к объективному рассказу и замкнулась в кругу рефлексии, тоски и беспредметных порывов. Однако именно в этой точке максимального ослабления канона начался процесс жанровой мутации, выразившийся в активной диффузии баллады с романсом, элегией, стихотворением в прозе и философской притчей.

Эволюция балладной поэтики: сравнительный анализ

Чтобы наглядно проследить глубину структурных изменений, произошедших с жанром на протяжении XIX столетия, целесообразно сопоставить ключевые параметры классической романтической баллады и обновленной баллады 1880–1890-х годов.

| Параметр поэтики | Классическая баллада (1810–1840-е гг.) | Баллада рубежа веков (1880–1890-е гг.) |
|---|---|---|
| Природа конфликта | Внешнее столкновение героя с силами рока, потусторонним миром или исторической судьбой. | Внутренний психологический разлад, конфликт сознания с бессмысленностью бытия. |
| Трактовка фантастического | Онтологическая реальность чудесного, не требующая рационального объяснения. | Психологическая проекция: галлюцинация, сон, бред, наваждение или символ душевного состояния. |
| Сюжет и композиция | Динамичная фабула, четкая завязка, кульминация и трагическая развязка; драматические диалоги. | Ослабление фабулы, фрагментарность, недосказанность, преобладание лирического монолога. |
| Хронотоп | Условное средневековье, дикая природа, кладбище, замок, фольклорное пространство. | Городские сумерки, замкнутая комната, осенний пейзаж как коррелят тоски, мистическое безвременье. |
| Параметр поэтики | Классическая баллада (1810–1840-е гг.) | Баллада рубежа веков (1880–1890-е гг.) |
| Стихотворная форма | Канонические размеры (четырехстопный ямб, амфибрахий, балладная строфа), напевность. | Расшатывание метрики, использование паузников, дольников, сложных строфических конструкций. |

Психологизация фантастического и лиризация сюжета

Главным вектором обновления русской баллады в 1880–1890-е годы стала ее последовательная психологизация. Поэты этого поколения осознали, что вернуть балладе утраченную силу воздействия можно лишь перенеся центр тяжести с внешнего события на внутреннее переживание. В результате фантастическое перестает быть атрибутом фольклорной демонологии и превращается в инструмент исследования пограничных состояний человеческой психики (Магомедова, 2000).

Показательны в этом отношении опыты А. А. Голенищева-Кутузова, в творчестве которого мотивы смерти, одиночества и потустороннего зова приобретают глубоко интимное, исповедальное звучание. В его балладах и балладных стихотворениях («Смерть»,

«Наваждение», «Легенда») таинственный гость или роковой голос возникают не как внешние мистические сущности, а как порождение уставшего, измученного рефлексией сознания. Граница между реальностью и бредом намеренно размывается: читатель не может с уверенностью сказать, произошло ли событие на самом деле или оно разыгралось исключительно в воображении лирического субъекта.

Сходную трансформацию жанра демонстрирует поэзия С. Я. Надсона и представителей

«гражданской» ветви лирики 1880-х годов. В их произведениях балладный сюжет нередко редуцируется до краткой аллегорической сценки, служащей эмоциональным катализатором для публицистического или элегического высказывания. Событие перестает быть самоценным; оно важно лишь постольку, поскольку позволяет выразить трагическое мироощущение поколения, его бессилие перед жестокой действительностью и жажду нравственного идеала. В таких текстах происходит жанровый синтез баллады и элегии: эпическое начало почти полностью растворяется в потоке лирических эмоций.

Особое место в поисках новой выразительности принадлежит К. М. Фофанову. В его поэтическом мире баллада освобождается от тяжеловесной дидактики и приобретает черты

музыкальной импрессионистической зарисовки. Фофанов активно использует прием недоговоренности, ассоциативной метафорики и звукописи. Его балладные сюжеты строятся на зыбких светотеневых контрастах, где реальный пейзаж незаметно перетекает в фантасмагорию. Именно у Фофанова намечается переход от бытового психологизма 1880-х годов к символистской поэтике намека и иносказания, которая станет определяющей в следующем десятилетии.

Философско-символическое обновление баллады в 1890-е годы

Если в 1880-е годы баллада преимущественно искала выход из кризиса на путях психологизма и лиризации, то в 1890-е годы на первый план выходит философско-мистическое и символическое переосмысление жанра. Появление первых манифестов и сборников русских символистов (Д. С. Мережковского, К. Д. Бальмонта, В. Я. Брюсова, Ф. К. Сологуба), а также зрелая религиозно-философская лирика Вл. С. Соловьева радикально изменили отношение к тайне и иррациональному в искусстве.

Для поэтов 1890-х годов баллада вновь становится востребованной формой, поскольку сама ее структура изначально ориентирована на прорыв за пределы эмпирической реальности. Однако теперь этот прорыв осмысливается не в духе наивного фольклорного суеверия, а как метафизическое постижение скрытых сущностей бытия. В балладах Вл. С. Соловьева («Das Ewig-Weibliche», «Три свидания» — в его балладно-поэмных элементах, а также в ряде лирических баллад) и раннего Д. С. Мережковского («Смерть», «Леда», «Парки») сюжет приобретает характер мифопоэтической притчи. Конкретно-исторический или бытовой план отступает перед вечными категориями Эроса, Смерти, Мировой Души и Красоты.

Существенно обновляется и поэтика выразительности на уровне стиха, ритма и лексики. В 1890-е годы поэты отказываются от инерции гладкого, монотонного повествования. В балладу проникают:

Ритмическая полифония и интонационные перебои: смена метров внутри одного произведения используется для передачи психологического слома или вторжения иного мира, предвосхищая дольники А. А. Блока.

Суггестивная лексика и символика цвета: вместо прямого называния ужасного или чудесного авторы создают атмосферу тревожного ожидания с помощью повторяющихся лейтмотивов (сумерки, туман, зеркало, тень, глухой стук).

Драматизация скрытого подтекста: диалог в балладе 1890-х годов строится по принципу «двойного дна», где за бытовыми или отвлеченными репликами персонажей угадывается роковая предопределенность.

Таким образом, к концу 1890-х годов баллада успешно преодолевает состояние застоя. Отказавшись от роли иллюстративного стихотворного рассказа, она трансформируется в емкую лиро-символическую структуру, способную передавать сложнейшие экзистенциальные и метафизические состояния современного человека.

**Заключение**

Проведенный анализ позволяет утверждать, что 1880–1890-е годы стали для русской баллады не эпохой упадка и умирания, а периодом необходимой структурной перестройки и накопления нового художественного потенциала. Жанровый кризис, вызванный исчерпанием романтических канонов и давлением реалистической прозы, стимулировал интенсивные поиски новых средств выразительности.

В ходе этого двадцатилетия русская баллада прошла два взаимосвязанных этапа эволюции. На первом этапе (1880-е годы) доминировала тенденция к психологизации фантастического и лиризации сюжета, в результате чего балладное событие переносилось во внутренний мир рефлексирующего героя. На втором этапе (1890-е годы) произошло философско-символическое обновление жанра, связанное с возвращением интереса к мифу, метафизической тайне и суггестивной поэтике стиха. Именно эти художественные открытия

подготовили почву для блестящего возрождения баллады в литературе Серебряного века, где она вновь заняла одно из центральных мест в системе поэтических жанров.

**Список литературы**

Веселовский А. Н. Историческая поэтика. — М.: Высшая школа, 1989. — 406 с.

Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. — Л.: Наука, 1977. — 407 с.

Магомедова Д. М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока. — М.: Мартин, 1997. — 224 с. (Включая разделы о генезисе баллады конца XIX века).

Тамарченко Н. Д. Теория литературных жанров / Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. — М.: Академия, 2004. — 256 с.

Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. — М.: Аспект Пресс, 1996. — 334 с.

Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. — М.: Фортуна Лимитед, 2000. — 352 с.

Ермилова Е. В. Теория и образный мир русского символизма. — М.: Наука, 1989. — 176 с.

Голенищев-Кутузов А. А. Сочинения: в 2 т. — СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1904. — Т. 1: Стихотворения.

Фофанов К. М. Стихотворения и поэмы. — СПб.: Советский писатель, 1962. — 348 с.